

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Н. Кузин, А.И. Протопопов

Политика самодержавия в области образования и учащиеся накануне первой российской революции

Конфликт между обществом и властью, имевший место в России начала XX века, был обусловлен незавершенностью реформационного процесса. Правительство Николая II, следуя консервативной доктрине, не хотело да и не способно было продолжить модернизацию страны, начатую в эпоху «великих реформ». В этой связи и произошло обострение «хронической» болезни российской государственности: власть, отказываясь уступить обществу, учитывать его интересы, создавала себе массовое оппозиционное движение, представленное различными социальными группами населения. В рядах этой оппозиции свою роль играла и учащаяся молодежь.

Означенная тема в той или иной мере уже имела свое отражение в отечественной историографии [1], но при освещении различных ее аспектов чаще всего сказывались традиции классового подхода, что несколько искажало роль учащейся молодежи в общественном движении. В настоящее время открывающиеся возможности использования новых документов позволяют более адекватно отразить участие этой социальной группы в общественной жизни России в предреволюционный период.

Движение учащейся молодежи накануне первой российской революции явилось важной составной частью борьбы оппозиционных сил с самодержавием. Социальная активность учеников старших классов гимназий, реальных училищ, семинарий и, конечно же, студентов была связана прежде всего с постановкой и последующим разрешением насущных вопросов развития народного образования в России. В этом отношении наблюдалось взаимодействие учащихся с профессорско-преподавательским составом. Побудительным мотивом здесь, несомненно, являлась политика правительства Николая II, которая совершенно обоснованно рассматривала образование как своеобразную форму власти. Любой протест общества в данной сфере оценивался самодержавием как покушение на прерогативы государственной власти. Своими программами, циркулярами, раз-

ветвленностью инспекторского состава царская администрация препятствовала любому начинанию «снизу».

К началу XX века в России было более 260 тыс. учащихся учебных заведений. Развитие хозяйства, требовавшего все больше специалистов средней и высшей квалификации, вело к росту числа средних учебных заведений всех видов. Этот рост сопровождался демократизацией социального состава учащихся, что отчетливо видно даже в привилегированных гимназиях и прогимназиях (см. таблицы № 1, 2) [2].

Число средних учебных заведений и учащихся в них (1895-1904 гг.)

Таблица 1

Виды учебных заведений	1895 год		1900 год		1904 год	
	учебные заведения	учащиеся	учебные заведения	учащиеся	учебные заведения	учащиеся
Всего	685	162.528	728	222.635	868	315.916
В том числе: Гимназии и прогимназии (мужские и женские)	578	136.758	614	185.344	721	266.473
Реальные училища	107	26.026	114	37.291	147	49.443

Распределение учащихся мужских гимназий и прогимназий по сословиям (в %)

Таблица 2

Сословия	1895 год	1900 год	1902 год	1904 год
Потомственных и личных дворян и чиновников	55,6	48,6	47,6	44,2
Духовного звания	3,3	3,8	4,0	4,8
Городских сословий	32,2	36,3	36,2	37,2
Сельских сословий (в том числе с казакками, инородцами и прочих званий)	6,8	9,6	10,4	12,3
Иностранцев	2,1	1,7	1,6	1,5

Непрерывное возрастание в средних учебных заведениях доли детей крестьян, рабочих, служащих и других непривилегированных групп населения и сокращение процента дворян имело большое значение для усиления либерально-демократического влияния на учащихся.

В начале XX века был организован настоящий поход Министерства народного просвещения на земскую школу. Впрочем, он больше напоминал набег варваров-кочевников с их разрушительным исходом. Так, в 1902 году правительство выступило с проектом, согласно которому за земствами предполагалось оставить лишь уже действующие школы, а все вновь создаваемые переходили в ведение министерства [3]. Подобная программа как нельзя

лучше соответствовала настроению самого императора, по мысли которого главная цель реформы народного образования состояла в сокращении числа гимназий, что помогло бы, в свою очередь, уменьшить количество студентов в университетах [4].

Стремясь действовать «твердо» по отношению к учебным заведениям, царская администрация провела целый ряд мероприятий по ужесточению порядка и ограничению прав учащихся. В средней школе это выражалось во введении ежегодных переводных экзаменов, в усилении надзора за гимназистами во внеурочное время. Что же касается университетов, то в них «порядок» пытались восстановить такими академическими методами, как учреждение профессорских дисциплинарных судов, введение института кураторства, создание по инициативе учебной администрации студенческих организаций [5], причем все это проводилось в риторическом духе «политики сердечного попечения о студентах».

Охранительные мероприятия вызывали явное недовольство и у учащихся, и у профессорско-преподавательского состава. Представители последнего в большинстве своем придерживались пассивных форм протеста. По мнению некоторых исследователей, такая реакция объяснялась прежде всего тем, что учителя, находившиеся на государственной службе, предпочитали соблюдать законность [6]. Напротив, для учащейся молодежи характерными были активные методы сопротивления официальным властям.

Открытые повсеместно кружки учащихся все чаще носили антиправительственную «окраску», с разной степенью последовательности выступая за демократизацию системы образования. Так, нелегальные организации, существовавшие в духовных семинариях, прежде всего добивались уравнивания прав семинаристов с учащимися других учебных заведений и допуска их в университеты [7].

В декабре 1899 года волновалась Волынская семинария. В 1900 году - снова несколько семинарий, среди которых выделялись особым упорством и настойчивостью Тульская и Тифлисская семинарии. В 1901 году в семинариях возникали ячейки (комитеты), которые взяли на себя установление связи с соседними семинариями, благодаря чему выступления вспыхивали одновременно в нескольких семинариях и не переставали с этого момента перекатываться от одних семинарий к другим вплоть до 1907 года. В 1901 году особенно сильно волновались се-

минарии: Тульская, Калужская, Орловская, Рязанская, Казанская, Иркутская, Виленская, Курская, Ярославская, Вологодская, Полтавская, Ставропольская, Донская, Тобольская и Пермская. В 1902 году волнения в семинариях настолько усилились и приняли серьезный характер, что в некоторых местах на помощь духовным властям для усмирения «бунта» приглашалась конная и пешая полиция. В 1902-1903 годах волнения прокатились по семинариям: Тамбовской, Симбирской, Архангельской, Подольской, Вятской, Курской, Волынской, Одесской, Рязанской, Владимирской, Томской, Смоленской, Екатеринославской, Красноярской, Тифлисской, Псковской, в кутаисских духовных школах (даже в женских). В 1904 году волнения охватили семинарии: Тобольскую, Саратовскую, Калужскую, Волынскую и снова Владимирскую.

Наибольшее беспокойство властей вызывали участвовавшие студенческие забастовки. Одними из самых массовых стали волнения учащихся, вызванные «Временными правилами об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений, удаляемых из них за учинение скопом беспорядков»

29 июля 1899 г. по всем крупным городам Российской империи прошла волна протеста после попыток Министерства народного просвещения применять данный закон. По этому поводу 9 марта 1901 года в Ярославском Демидовском лицее началась сходка студентов, потребовавшая отмены «Временных правил». В прокламации, распространявшейся среди лицестов, звучал призыв: «Будем добиваться путем забастовки и обструкции полного прекращения лекций и закрытия лицея...» [8]. В ходе проведенной полицейской акции 87 участников сходки были задержаны. Арестованы были инициаторы протеста: В.А. Смирнов, В.И. Покровский, В.А. Успенский, В.В. Никольский [9]. Выступления студенчества 1901 года указывали на то, что академические интересы начали уступать первенство интересам политическим.

Весной 1901 года прекратили учебу 30 тыс. студентов в 35 вузах России. Главными требованиями студентов были: отмена «Временных правил», неприкосновенность личности, свобода сходок, самоуправление, возвращение всех исключенных студентов, организация и свобода деятельности общественных и научных обществ, отмена платы за лекции и отмена форменной одежды. Правительство, видя бесполезность репрессий, вынуждено бы-

ло прибегнуть к политике «пряника»: 24-го марта опубликован рескрипт министру народного образования Ванновскому, в котором обещалось пересмотреть систему высшего образования.

Еще более очевидной эта тенденция выглядит в 1902-1903 годах. Наиболее ярким примером политической направленности студенческого движения является сходка-митинг в Москве 9 февраля 1902 года. Подготовка к ней велась очень тщательная.

С 6 по 13 февраля в городе было распространено несколько тысяч экземпляров листовок 19-ти студенческих организаций и Московского комитета РСДРП.

К 12 часам дня 9 февраля в актовом зале Московского университета собралось более 600 студентов и курсисток — представителей московских вузов. Председательствующий общегородской сходки член Исполнительного комитета А. Колмогоров предложил обсудить программу политических требований, выработанную комитетом. Большинство голосов программа принимается. В знак протеста 102 «академиста» покидают собрание. В разгар прений на кафедру поднимается представительница объединенной организации всех женских курсов Москвы. Впервые в стенах университета раздался голос женщины, призывавшей подняться на борьбу за свободу: «Мы, женщины, принимаем только политическую программу и готовы на все, чтобы добиться ее осуществления». После горячих дебатов по вопросу о целях студенческого движения сходка единогласно приняла следующую резолюцию: «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований...

Мы требуем:

1. Неприкосновенности личности.
2. Свободы печати.
3. Свободы совести.
4. Свободы собраний и организаций.
5. Непосредственной ответственности чиновников, административных лиц.
6. Общедоступности образования.
7. Допущения женщин в университет.
8. Уравниения прав национальностей.

Вместе с рабочими мы требуем:

9. 8-ми часового рабочего дня.
10. Права стачек.

Не признавая настоящее правительство способным к преобразованию общественного

строения на этих началах, мы обращаемся ко всей мыслящей России, считающей себя политически зрелой, с указанием о своевременности созыва «Учредительного собрания». Общеполитическая программа заставляет нас вынести протест на улицу, где мы с кадрами рабочих и общества готовы силой поддержать наши требования» [10].

О важности принятых решений свидетельствует даже реакция правительства. 14-го февраля все участники сходки были исключены из университета и институтов без права поступления в другие высшие учебные заведения, а несколько дней спустя 668 участников ее высланы из Москвы в административном порядке, 135 участников и «подготовителей» сосланы в Восточную Сибирь на срок от 2 до 5 лет, 567 студентов и курсисток заключены в тюрьму на срок от 3 до 6 месяцев, 6 отданы под надзор полиции.

В этот период обычным явлением становится распространение в учебных заведениях «самиздатских» газет и журналов, которые большей частью носили общественно-политический характер. В Костромской гимназии, например, издавался рукописный журнал «с очень эффективной обложкой, изображавшей «пирамиду» царского строя: внизу - изможденные трудом рабочие и крестьяне, на их спинах — «христолюбивое воинство», на тех — так называемое «образованное» общество, еще выше — поместное дворянство и, наконец, превыше всего — сам Николай II-й, кажется, с нагайкой в руке...» [11].

В условиях нарастающего конфликта между обществом и властью происходит сближение движения учащейся молодежи с рабочими. В донесениях охраны все чаще встречаются факты, когда учащиеся производили сборы пожертвований в пользу бастующих рабочих. Так, 7-го марта 1902 года в Ярославском Демидовском лицее состоялась очередная сходка, на которой обсуждался вопрос о проведении демонстрации совместно с рабочими Ярославской Большой мануфактуры [12].

Студенчество оказывало революционное влияние на учащихся. Ученики средней школы были тесно связаны со студентами — своими старшими братьями и товарищами, бывшими гимназистами и реалистами. Студенческое движение вызывало волнение в средних учебных заведениях. В справке департамента полиции за 1902 год говорилось, что волнения в высших учебных заведениях Империи отразились на многих средних учебных заведениях,

причем брожение возникло, между прочим, во всех специальных технических и земледельческих училищах. Студенты широко распространяли среди учащихся свои прокламации. Чиновник Министерства народного просвещения писал, что они положительно забрасывают среднюю школу прокламациями и воззваниями [13].

Для учащейся молодежи, как и в целом для российской общественности того периода, была характерна нарастающая радикализация настроений. Именно поэтому «Костромские епархиальные ведомости» обеспокоенно констатировали: «учащиеся стали увлекаться всяким ветром учения: сегодня они поклоняются Вольтеру, через несколько лет Дарвину, затем Ницше, Толстому и т.д. Нигилизм, атеизм, социализм, коммунизм и тому подобные учения последовательно господствуют над мыслями русского юношества..., оставляя глубокие язвы в общественном организме...» [14]. В этом отношении куда более определенно высказывался ректор Московского университета С.Н. Трубецкой: «Наши дети по Марксу читать учатся, как деда по часослову учились» [15].

Насколько прав был С.Н. Трубецкой, говорят многочисленные факты участия гимназистов и студентов в движении социалистов. В 1904 году в Костроме существовала общественная организация учащихся всех средних учебных заведений города, сочувствующих как социал-демократам, так и социал-революционерам [16]. Члены ее занимались распространением нелегальной литературы, прокламаций, агитацией. Самостоятельная социал-демократическая группа действовала в Ярославском Демидовском лицее.

В таких условиях Министерство народного просвещения, возглавляемое В.Г. Глазовым, целесообразным признало усиление административного произвола в учебных заведениях. Было рекомендовано ректорам ужесточить наблюдения за студенческими кружками, поощрять активность консервативной части молодежи. Однако реализация данных наставлений дала обратный результат. Взаимоотношения учебного начальства и студенчества обрели характер политического противоборства. Безуспешной оказалась инспекционная поездка В.Г. Глазова, по университетским городам. Лишь небольшие группы студентов выражали при встрече с министром свои верноподданнические чувства. Большинство же учащихся явно не желало выслушивать высокопоставленного чиновника.

Студенты Юрьева, например, в своей листовке (октябрь 1904 года) резко осудили «единение» между «тупоумными пьяницами-корпорантами» и «пройдохой-бюрократом, причастным к науке по своему званию руководителя народного просвещения» [17].

Усиление надзора за состоянием учебных заведений, особенно земских, видно из следующего факта: 18-го мая 1904 года архиепископ Владимирский и Суздальский Сергей обращается к Владимирскому губернатору с сообщением о том, что член Судогодского уездного училищного Совета при посещении начальных училищ губернской земской управы встречал преимущественно портреты Л.Н. Толстого с подписью, между тем как портреты других писателей помещены без подписи. Архиепископ полагал бы, в виду установившихся отношений графа Толстого и православной церкви и предупреждения соблазнов православных, возбудить перед Губернской земской управой ходатайство с тем, чтобы портреты Л.Н. Толстого на ученических тетрадях вовсе не помещались. Губернатор не замедлил отдать распоряжение директору народных училищ губернии (которое последовало 24 мая) следующего содержания: «До сведения моего дошло, что книжный склад губернского земства отпечатал и разослал по земским училищам губернии тетрадки с изображением на обертках оных портретов Графа Л.Н. Толстого и других лиц с их автографами и цитатами различных литературных произведений без надлежащей цензуры... принять меры к изъятию из обращения в начальных народных училищах вышеуказанных ученических тетрадей, в особенности с портретом Графа Л.Н. Толстого. Если же в школах имеются запасы подобных тетрадей, то не откажите приказать представить их мне и не допускать их употребления в наступающем, о последующем же меня уведомить. При сем считаю долгом выразить мнение, что для пользы учебного дела нет особенной надобности распространять в народных школах тетради с каким бы то ни было на них изображением» [18].

Уже после революции 1905-1907 годов лидер кадетской партии П.Н. Миллюков с горечью отмечал, что «вся система нашего воспитания делает из молодого поколения карьеристов, самоубийц и революционеров» [19]. Но не только «система воспитания», а и сам политический курс самодержавия способствовал вовлечению учащихся в революционную деятельность. Особенно отчетливо это проявилось

в 1904 году, во время русско-японской кампании. Еще в самом начале войны в противовес патристическим настроениям, охватившим значительную часть российского общества, социалисты провозглашают антивоенные лозунги; нередко объектом антивоенной пропаганды становится учащаяся молодежь.

Так, группа социал-демократов в феврале 1904 года обратилась к учащимся города Костромы с воззванием, в котором говорилось: «... дурные те патриоты, которые считают нужным в настоящий момент заключить перемирие с правительством, соединиться с ним против якобы «общего» врага. Японский народ не враг нам, он только враг нашего правительства. До сих пор у русского народа был один враг — его самодержавное правительство» [20]. По воспоминаниям очевидцев, такие листовки вызывали уже в первые месяцы войны раскол в среде учащейся молодежи. Как описывает участник тех событий Г. Маст, выделялись здесь группы «японцев» и «русских»: «японцами» именовали сознательных учащихся их темные товарищи по классу, называвшие себя «русскими», ибо «японцы» не разделяли их патристических болей и восторгов, а в каждом ударе Японии по глиняным ногам самодержавного колосса чувствовали начало его конца...» [21].

К осени 1904 года антивоенные лозунги становятся обычным явлением при проведении собраний и стачек учащейся молодежи [22].

К концу 1904 года политическая активность учащихся приобрела настолько массовый характер, что, например, учебный процесс в высшей школе фактически был остановлен, а в 1905 году учащаяся молодежь стала деятельной силой в революционных событиях, охвативших страну.

Примечания

1. См.: Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904 гг. М.: Мысль, 1976. 236 с.; Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России. 1899-1907 гг. М.: Мысль, 1971. 264 с.
2. См.: Образцова О.А. О гегемонии пролетариата в движении учащихся средних учебных заведений России перед первой буржуазно-демократической революцией // Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма. М., 1985. С. 63-65.
3. Журнал министерства народного просвещения. 1902. № 6. С. 73-96.

4. Заметки Николая II о народном образовании // Былое. 1918. № 2. С.64.
5. Последняя мера была весьма схожей с «зубатовским экспериментом» в рабочем вопросе.
6. Сучков И. В. Социальный и духовный облик учительства России на рубеже XIX-XX веков // Отечественная история. 1995. № 1. С.68.
7. Рабочий Дмитрий. В тисках. Владимир, 1926. С. 4.
8. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф.73. Оп.7. Д.556. Л.6.
9. ГАЯО. Ф.73. Оп.7. Д.558. Л.171.
10. Гусятников Л.С. Указ соч. С. 84-86.
11. Центр документации новейшей истории Костромской области (ЦДНИКО). Ф.383. Оп. 1. Д. 47. Л. 169.
12. См.: Егоров А.Д. Лицеи России. Кн.3. Демидовский юридический лицей. Часть 2. Иваново, 1994. С. 143.
13. Ушаков А. В. Указ соч. С. 202.
14. Костромские епархиальные ведомости. 1904. №19. С. 377.
15. Трубецкой С.Н. Фрейлейн // Вестник высшей школы. 1989. №9. С. 85.
16. См.: Растопчина М. Очерки по истории революционного движения в Костроме. Кострома, 1922. С. 16-19.
17. Иванов А. Е. Университетская политика царского правительства накануне революции 1905-1907 годов // Отечественная история. 1995. № 6. С. 104.
18. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 14. Оп. 11. Д. 1748. Л. 1,4.
19. Цирюльников А. Новаторы из 1915 г. // Знание — сила. 1991. № 2. С. 53.
20. ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 2 Д.2. Л.26-28.
21. ЦДНИКО. Ф. 383. Оп. 1 Д.47. Л.171-172.
22. Весьма показательна в той связи реакция в российском обществе на положение России в войне с Японией. Либералы связывали причины неудач в военной компании не только с экономической отсталостью России, но и с недостатками в системе образования. Характерным было распространение в этих кругах материалов японской конституции 1868 г., где в числе первых ее пунктов было записано: «По всему свету нужно искать науку и просвещение, чтобы японская империя все более и более возвышалась».
23. Цирюльников А. Новаторы из 1915 г. С. 53.